

Деда, сыграй на свирели,
а я запою охотно
песни гайдуцкие наши –
о славных былых временах:
Чавдаре – любимом герое,
Чавдаре – лихом атамане –
Петки Страшника сыне!
Пусть слышат девчата и парни
на сходках и посиделках,
юнаки на горных кручах,
в прохладных корчмах мужчины:
каких молодцов рождала,
рождала и ныне являет
свету болгарская мать;
каких силачей вскормила,
вскормила, и холит, и поит
прекрасная наша земля!
А что до меня, – устал я
Любовные песни слушать
И петь каждый раз о страданиях,
о муках, о доле бедняцкой,
о собственных бедах, печалях,
о черной тоске ядовитой!
Тяжко и грустно, дедуля,
но все же, сыграй, не бойся, –
юнацкое сердце бьется,
и голос мой – медный, луженный,
и звонкий, как горное эхо, –
уж если меня не услышат, –
песня моя пронесется
по взгорьям и по долинам, –
и снова леса подхватят,
а доли ее повторят,
и черная грусть отхлынет,
кручина-тоска – от сердца!
А тот, кто беду все кличет, –
неужто проймешь такого? –
Юнак лишь мучений не стерпит,
не раз говорил и скажу:
– Тому повезло, кто умеет
за честь и за волю сражаться –

с добрым – по доброму жить,
а лихо – до дна, – дорога одна...
О том и поется в песне!

Кто не знает воеводу,
кто не слышал о Чавдаре? –
Чорбаджия¹ кровопивец,
иль турецкие сердары,²
иль погонщики отары,
да голодные бедняги?

Кто не слышал о Чавдаре, –
что отцовскую дружину
двадцать лет водил по свету.
Вот уж страшный был повстанец
для душманов, чорбаджиев;
но для бедняков несчастных –
был защитой надежной!
Потому и льются песни
по лесистым склонам Странджи,
по лугам Ирин–Пирина;
льется медный звон свирели –
и от древнего Царьграда
до земель соседних, сербских,
с моря Белого к Дунаю;
песням голос жницы вторит –
на просторах румелийских...
У родителей одним был
сыном славный воевода,
и душой дружины верной.
Мать в младенчестве оставил,
от отца он отделился,
без сестер Чавдар, без брата, –
гол-сокол во всей округе;
только дядя, кровопивец,
да надежная охрана!..
Лет двенадцати парнишку
в пастухи к нему отдали, –
По чужим дворам таскаться,

На чужих харчах взраститься.
День–деньской Чавдар трудился,
от рассвета до заката!
А за рабский труд – в оплату –
Не в подъем корзину вынес
он для матери в подарок –
слов тяжелых, очень едких:

«Что же ты, родная мама,
отдала меня батрачить,
коз, овец гонять по селам, –
надо мной чтоб все смеялись
и в глаза мне говорили, –
твой, мол, батька – воевода –
над такой большой дружиной, –
три округа держит в страхе,
захватив хребет Балканский,
я же – сторожем при дяде –
этом мерзком кровопийце!
Нянчу выродка чужого,
час от часа слыша ругань,
будто я какой звереныш,
и не стать мне человеком.
Все грозит сгноить в темнице,
иль в котел кипящий бросить,
да в лесах Кара–баира
на кол голову насадит!..
Человек он злющий – дядя! –
Говорю тебе я, мама,
не хочу при нем дежурить
и мальчишку караулить,
и овец пасти паршивых. –
Пусть сожрут их псы да птицы!
Я к отцу идти намерен,
жить при нем в горах Балканских:
татко там меня научит
истинно мужскому делу».
Мать в тревоге заметалась, –
словно камень лег на сердце,
и в глаза глядит Чавдару,
в очи черные, большие,

кудри вьющиеся гладит,
и рыдает, причитая...
А Чавдар с опаской смотрит,
со слезой глядит во взоре,
и с волнением мать пытается:
«Отчего, скажи мне, плачешь?
Неужель, отца схватили,
полонили и убили,
ты одна теперь осталась,
без кормильца,
беззащитна?..»

Приласкала мать Чавдара,
в очи черные целует
и со вздохом произносит:
«О тебе, Чавдаре, плачу,
за тебя переживаю,
мой единственный сыночек,
писанный ты мой красавчик,
глупенький мой несмышлениш, –
молодой еще да ранний.
Как же мне не быть в печали,
что к отцу, сынок, идешь ты, –
гайдуком, – возьмешь, да станешь!
Приходил твой татко ночью,
о тебе все вел расспросы,
да меня ругал, бранился,
что тебя, мальчика, послала
не к нему в отряд, а к дяде...
Видя, сын, каков ты вырос
добрым молодцем отважным,
хочет он тебя отправить
разным грамотам учиться.
Или взять в свою дружину –
с ним ходить по горным тропам...
Сотню раз твердил наказ мне, –
чтоб тебя я, в день воскресный,
привела на сбор, в их лагерь...
Ты ступай, Чавдар, сыночек,
мой единственный,
кровинка, –

завтра ждать тебя он будет;
только, сын мой, заклиная,
если мать свою жалеешь,
видеть слез моих не хочешь,
не водись, прошу, с дружиной,
пусть отец тебя проводит
обучаться разным книгам, –
и, глядишь, – когда напишешь
своей матери с чужбины...»

Подскочил юнак в восторге, –
что к отцу идет он завтра, –
гайдуков увидит грозных,
на торжественном их сходе;
ну а мать, лихое чуя,
с грустью дитяtko прижала,
и, лаская, – причитала...

1. богач, хозяин в период турецкого рабства
2. турецкие военачальники